

БАЯН

ШИРЯНОВ

СРЕДИННЫЙ
ПИЛОТАЖ

МИНИСТЕРСТВА ВСЕХ СТРАН ПРЕДУПРЕЖДАЮТ:
ЧТЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ

Баян Ширянов
Срединный пилотаж
Серия «Пилотаж», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137968

Аннотация

«...теперь любой типограф, памятуя цитаты из министерского письма, уже не согласится тиражировать книжку под названием «Низший пилотаж», и семь раз отмерит, прежде чем дать добро на тиражирование иного другого опуса, «где про наркотики и слово из трех букв...».

Но издатель, отмерив в восьмой раз, предлагает Вам, родной мой читатель, вторую часть трилогии Баяна Ширянова – «Срединный пилотаж». Книгу провокационную, резкую, продолжающую тему наркомании.

Содержание

Предвкушение вмазки (Вместо предисловия.)	5
Моя борьба.	7
Низший пилотаж.	9
Голый под зонтиком.	10
Джефффотосейшен.	16
Евангелие от Клочкеда.	23
Шмон предков.	24
Диалог.	27
Тазик из-под кровати.	28
Брелок от крейзи-герл или Крейзи бой.	31
Винтовые приметы.	38
Кручение бычков в темноте.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Баян Ширянов
Срединный пилотаж
Роман в новеллах.
(Присмертное издание.)

Автор слегка запоздало благодарит Александра Бородиню, Раису Именитову, Кирилла (Каца) Якимца, Вадима (ВадВад) Гущина, Максима (Паркера) Кононенко, Леонида (Левона) Делицына за все хорошее и за то, что они были крестными отцами-матерями «Низшего пилотажа».

Автор чрезвычайно признателен провайдерской фирме «Ринет» и лично Сергею Рыжкову, без которого автор помер бы от информационного истощения.

Автор выражает удовлетворение, граничащее с восторгом, по поводу существования стран Парагвай и Аргентина, где растут кустики, с которых срывают листочки из которых потом делают замечательный напиток МАТЕ.

Автор посвящает свою книгу всем ремиссионерам прошлого, настоящего и будущего, независимо от срока ремиссии, всем вымышленным прототипам героев и самому себе, безвременно почившему.

Если вам покажется, что вы кого-то узнали – это случайное совпадение. Все факты являются вымыслом автора.

Предвкушение вмазки (Вместо предисловия.)

Тут сон мне приснился. Наверное, да... Мало ли, какая хуйня по ночам в голову лезет... Но тут была совсем не хуйня, и даже не поебень.

Я иду. Куда, когда, зачем, – не важно. Важно, что день на улице, важно, что знаю я заветный адресок, и что на хате по заветному этому адреску есть маза втюхаться винтярой.

Захожу – а там стрём. Пренса подкатили и шугают тамошних безобидных винтоваров. Ну, а те забаррикадировались в своей каморе. В общем, расклад такой: и ни к ним не попасть, и ни они даже под дверь просунуть не могут. Нагавкали там на меня, чуть с лестницы не спустили. Предки-то неврубные, вонючим наркошей обозвали. А разве ж я вонючий? Это другие могут месяцами в душе не показываться, а я-то ведь ежедневно его принимаю. Он для меня что винт. Такой же наркотик.

Обхожу я дом, вижу, стоят мои родимые на балкончике. Балконе. Балконище. Широком таком, с балюстрадой из резных круглых хреновин, и держат его то ли Атлантиды, то ли Кариатоны. В общем, впору на нем соревнования по прыжкам в сторону устраивать. Но размеры его – это хуйня, главное, что к нему ведет дорожка из дорических колонн. И по этим дорическим колоннам, как не хуй делать, можно взойти на тот балкончике.

И я, типа героя DOOM-а, прыгаю по этим колоннам прямо к моим кентам. А они растекаются под ногами, как кисель, или хуй после эякуляции. Я прыгаю, прыгаю, прыгаю и... Успеваю. И только я ступаю на эту балконицу, как мне закатывают рукав, и ставят баян на веняк!

И я тут же прихожусь и просыпаюсь.

А меня прет!

Нет, я, как и любой винтовой, знаю, что приход словить можно и на мнении, но чтобы так круто и во сне...

Встаю я, открываю окно настезь и курю в него, пуская дым в ночную Москву. Мало где окошки светятся и я, глядя на них, имею чисто винтовой вруб, что там процесс идет. И я уже сквозь занавески различаю мелькающие фигуры торчков, варщиков, вижу, у кого где на какой стадии. Вижу, кто ширяется, кто казнится, кто тащится...

Бля! Это же глюка! Какого хуя?! Я же оставшейся во мне сознательной частью, врубаюсь, что ни хуя подобного там нет. Ну, разве что в одной, двух неспящих хатах! Ебать мой лысый пенис! Я что, совсем съехал? Да нет там ни хуя, убеждаю я себя. Но какая-то часть все одно нашептывает, что в каждой глюке есть доля глюки...

А другая часть напоминает, как мы однажды ломанулись в такую хату со светящимся окном. Причем в третьем часу ночи... Аскануть марганцовки. И как нас встретил недовольный деятель со следами вмазок на руках, а из самой хаты знакомо тянуло горьким миндалем...

Постепенно мыслеприход истончается и я приобретаю возможность рассуждать чуть более здраво.

Я понимаю, что такой резкий проруб ширяльного настроения не спроста. За ним что-то должно последовать. Или сама ширка, по тахионному принципу, или что-то такое же крутое, что сможет ее заменить. А заменить ее может лишь сидение перед компом и набивание в него всякой поебени, типа «Низшего пилотажа».

А, собственно, подумал я тогда, что я теряю? Мои читатели-почитатели, которых стараниями ВадВада, Паркера, и других монстров Рунета и издательства АдМаргинем, выпустивших бумажную книгу, стало до хуя, как, собственно и читателей-хулителей, но на последних я ориентироваться не желаю, а на первых просто не хочу... О чем это я?.. Да! Ни одна сука не сказала мне: «Баян, еб твою мать, а когда будет продолжение?» Так вот, нате!

Ловите его, долгожданное, читайте, мусольте. Только не надо мне пиздеть, что «Срединный пилотаж» хуже «Низшего...», или наоборот, или все это, вместе взятое, полное говно, с чем я, как его автор, не могу согласиться ни публично, ни внутренне. Я сам вообще пока не знаю, какой он будет, этот «Средний...», ибо, как полный мудака, начал писать его с этого предисловия, вместо того, чтобы им закончить.

Моя борьба. (Предисловие.)

А вот теперь, написав все, поставив последнюю точку, я пишу настоящее предисловие.

Предыдущее. Предыдущее я все же решил оставить, хотя и во многом был там не прав. И в том, что никто не хочет продолжения, и в том, что... Да, пустое это! Время-то идет. Мировосприятие меняется. И сейчас я понимаю, что будь я тогда, когда писал «Низший...», таким, какой я сейчас – то была бы совсем другая книга. А лет через десять я то же самое смогу сказать про «Срединный...»

Кстати, заметили, что название этой книги за те годы, что я с ней работал, несколько изменилось? Был «Средний...» стал «Срединный...».

Знатоки восточной философии сразу поймут причину. «Средний» – это так, почти что «никакой». Срединный же – другое совсем дело. Срединный путь – путь ухода от борьбы. А я именно это и хотел бы сделать. Надоело бороться. Надоело доказывать, что «Низший пилотаж» не про «страшных опустившихся донельзя наркоманов», а про людей. И не про наркотики я писал, а про страсти человеческие. Про страсть и привязанность. Про Любовь, если хотите. А коли не хотите – то все равно про Любовь! И «Срединный...» тоже. Это я так, заранее, чтобы избежать кривотолков.

Но если «Низший...» это все-таки некое ностальгирование по временам давно канувшим в небытие, оставшимся только в памяти, да в исковерканных двойными стандартами психиках потребителей и бывших потребителей мультиков-винта, то «Срединный...» – это то, что происходит сейчас. В тот самый момент, когда ты пробегаешь глазами эти строки. Это – НАСТОЯЩЕЕ! Тот самый момент, что по-английски зовется «now». Да, и другой смысл тоже присутствует. Никуда не денешься.

Впрочем, и древних времен в нем тоже хватает. Да и в будущее я мимоходом заглянул. Но что такое древность, что такое грядущее, для торчка, живущего вне времени?

Вот она, книга. Хотите – принимайте, хотите – воспринимайте, хотите – боритесь.

А мне обрыдло бороться. Пусть другие этим занимаются. Критики, читатели... Если хотят, конечно.

Я же... Что? Кину им...

Тю! Нет, не кость, как подумает испорченный совком деятель, отнюдь не кость!

Пищу.

Для ума.

Я не говорю «наркотики – хорошо». Я не говорю «наркотики – плохо». Я говорю, что лицо, потребляющее вещества, упомянутые в списке наркотиков – тоже человек. И почему это отказываются принимать те, кто эти вещества не принимает – загадка. Зачем нужна пропасть непонимания между этими людьми и теми, кто употребляет наркотики, поощряемые государством? Я догадываюсь. Почти знаю ответ. Но напрямую я его не скажу. Я выплескиваю все то, что скопилось. Все те факты, которым я сам или был свидетелем, или слышал. Я не хочу давать оценки. Я не имею на это права.

Я не сужу.

Я – всего лишь писатель. Даже описыватель в данном случае. Акын.

Единственное, что я могу сказать так, прямо и лозунгово, это:

Не делай как я! Не ходите за мной! Не дай вам Бог испытать то, через что прошел я!

А если уж пошли... То не корите меня, что я повлиял на ваш выбор. Вы сделали его сами. Я лишь предупреждал. Иногда прививка ведет к смерти. Что ж... Риск есть всегда. И

тогда уж с честью принимайте все те невообразимые испытания, которые несет в этом мире путь инъекционного торчка.

А теперь – читайте.

Низший пилотаж.

Собственно говоря, эта глава должна была дать название моей предыдущей книге. Но, в силу некоторых обстоятельств, история эта так и не была написана. Но, если быть уж совсем честным, то я никак не мог уразуметь, какой же из эпизодов моей жизни и жизни моих знакомых подходит под это эпохальное название. За уши притягивать не хотелось, выдумывать – тоже...

И до сих пор название это ставит меня в тупик.

Но, поскольку я обещал, что в «Срединном пилотаже», будет глава «Низший пилотаж», то, вот она. Наслаждайтесь.

Голый под зонтиком.

В последние годы Чевеид Снатайко торчал редко. Можно даже сказать, совсем не торчал. То есть вообще. Некогда было. Солидный мужик далеко за тридцатник, жена, пацан во второй класс ходит, тачка, две хаты, одна, правда, в ближнем Подмоскovie, но все равно – две хаты. Работа. Не то чтобы очень крутая, но без пары-тройки шукарей деревянных в кармане Чевеид Снатайко из дому не выходил. Но это так, когда совсем уж протратится. У него даже примета появилась – «денег меньше шуки – пришла бедность».

Уходил Чевеид Снатайко из дома рано, приходил поздно, в общем, загружен был по самое не могу. И вдруг, в один прекрасный во всех отношениях и представлениях день...

Оказалось...

Что...

Ему...

Совершенно...

Нечего...

Делать!!!...

Жена с мелким свалили на Кипр, его поездка по делам в Прагу вдруг по каким-то причинам накрылась, но накрылась таким хитрым образом, что у Чевеида Снатайко вдруг оказалось целых три абсолютно пустых, ничем не заполненных дня. Можно, конечно было их провести жря синьку с приятелями, или валяясь на диване, смотря в дибиллизатор, чем Чевеид Снатайко первоначально и планировал заниматься, но...

Проснувшись около полудня, Чевеид Снатайко потянулся сперва так, потом за сигаретой, потом за дигитальником. И, дымя суперлегким «Братаном», узнал от говорящей башки в панорамнике, что сегодня день борьбы не то с наркоманами, не то с наркотиками.

– Черт! – Воскликнул Чевеид Снатайко.

– Черт! – Сказал он еще раз, размазывая по пепельнице тлеющий уголек на кончике беспонтового «Кента».

– Черт! – Изрек Чевеид Снатайко, выпутываясь из одеяла.

– Черт! – Произнес он, шлепая в сортир.

– Черт! – Молвил Чевеид Снатайко, пытаясь одной рукой настроить шарнирный кран на теплую воду, а другой открыть тюбик с зубной пастой.

– Черт! – Проронил он, роясь в холодильнике в поисках утренних пачек «птиданона».

– Черт! Черт! Черт! – Гундел Чевеид Снатайко пожирая йогурты, разыскивая в шкафу прикид, который бы не был слишком официальным, но и не вызывал бы излишний стрем, и, обнаружив таковой, облачаясь в него.

Все дело в том, что Чевеида Снатайко посетила Идея. Идея о том, Как провести эти три дня.

Как?

А очень просто...

Чевеид Снатайко... Ну, чего я разжевываю? Ведь и так все всем уже понятно! Ах, да, подвожу к одной из кульминаций! ...решил вспомнить молодость и сварить винта!

А в молодости он был весьма неплохим алхимиком. А какие марафоны он закатывал!... На два месяца с телками...

И эти воспоминания обрушились на Чевеида Снатайко как вода из внезапно рвущегося кондома. Он буквально ощутил этот, ни с чем не сравнимый винтовой предприход. Это ощущение, когда струна входит в венок, в баян рвется контроль, еще нет ничего, никакого действия, шуруп-то еще в машине, но уже возникло это предощущение, это телесно-

сознательно-эмоциональное ощущение-мысль-чувство что сейчас, еще мгновение, и нагрянет она, Зацепуха!.. А за ней таска... Кайф! Башнесрыв! Тяга! Пруха! Эйфория! Торч! Улет!

И, пожалуй, нет лучше дня для развязки затянувшейся ремиссии, чем этот день борьбы с наркотизмом!

Так думал Чевеид Снатойко, гоня свой «Фольксваген-Пассат» в направлении улицы Никитской. Да, именно так он и думал. И это мне доподлинно известно, ибо вживил я ему, естественно без на то его согласия, в мозг микрочип, улавливающий мысли, и по спутниковой связи, незаметно используя для этого мобилу Чевеида Снатойко, посылающий видео- и аудиофайлы на мой компьютер... Но чип этот действует только в одном направлении, увы.

С трудом припарковавшись, все было забито, словно здесь происходил всероссийский слет торчков, Чевеид Снатойко, по старой памяти, пошел сразу к «перваку». Но у аптеки никого не оказалось. Покрутив головой, и так никого и не обнаружив, он затарился разнокубовыми самосвалами и шпильками, взял пару пипеток, пяток пузырей нафтизина, систему для переливания крови, салфетки со спиртом, вату...

Дальнейшие блуждания привели ко встрече с кидалами, но Чевеид Снатойко все же добился своего, не дал этим обдолбанным любителям хмурого пожить за свой счет, и его подвели к барыге. Дальнейшее труда не составляло. Обмен банки сала и компонентов на бабло произошел мгновенно.

Но по дороге домой, стараясь особо не гнать, Чевеид Снатойко ощутил наступление медвежьей болезни. Постоянные мысли о том, что скоро он, наконец-то, через столько лет, вмажется, вызвали у Чевеида Снатойко сперва рвотный позыв, а потом и кишечник дал о себе знать характерным бульканьем и позывом по жидкому обоссаться. Кляня свои, ставшие ни к черту, нервы, Чевеид Снатойко едва смог доехать до ближайшей синей кабинки платного дристаллица. Сунув бабке пятерку, Чевеид Снатойко ввалился в узкое пространство сортира, и тут возникла неожиданная проблема. Если он сначала проблюется, то обязательно обоссется в штаны. А если он сперва сядет срать, то наблюдает на пол...

Выбрав, как самый оптимальный, второй вариант, Чевеид Снатойко сел и изверг жидкие отходы жизнедеятельности сразу из пяти отверстий...

Что? Детализировать? Да, запросто! Итак: две ноздри, один рот, один мочеиспускательный канал и один анус. Уши задействованы не были! Удовлетворены? Тогда, продолжим.

– А еще с виду такой культурный, алкаш вонючий!.. – Орала бабка вслед Чевеиду Снатойко, оставлявшему за собой мокрые следы. Орала она и многое другое, но зачем повторять за престарелым поколением всякие гадости? Чевеид Снатойко же, внешне не реагируя, мысленно посылал ее в индивидуальное пешее эротическое турне и быстро чапал к машине. Его ждал винт.

Дома, уже почти совсем успокоившись, Чевеид Снатойко, еще раз избавившись от всего постороннего в организме, сполоснулся, передел все, включая засранные-таки трусы, и начал варить винта...

Былые навыки вспомнились моментально. Словно и не было долгого-предолгого перерыва. Отбивка, сушка, сама варка прошли на одном дыхании. В смысле, это Чевеиду Снатойко казалось, что на одном. На самом деле, совершая все стадии процесса вдумчиво и пытливо, Чевеид Снатойко затратил на все целых четыре с половиной часа. Только винт он варил часа два, доводя бурую массу в нафтизиновом пузырьке до идеального, совершенно прозрачного, ни децела желтизны, состояния.

И вот он... Винт... Восемь кубов десятипроцентного чуть вязковатого раствора... На одного...

Винт пахнет... Чевеид Снатойко понюхал. Усмехнулся. Нет, это не гнусный карбид. И не ломовые «яблоки». И не долгоиграющие «фиалки»... Такой запах раньше Чевеид Снатойко звал «незабудки». Кто помнит, как пахнут незабудки? Вот именно! Какой-то стран-

ный, легкий, едва уловимый аромат. И это значило, что раствор получился уматный. Если таким втрескаешься, то его действие долго не сможешь забыть, будешь рассказывать пионерам-торчечозникам и алдовым винтовикам: «А вот когда у меня, года три назад, вдруг получились «незабудки»...»

Чевеид Снатайко вздохнул, выбрал двуху, отщелочил, выбрал через петуха, разбодяжил до трех квадратов... Поставиться труда не составило. С первого раза пятикубовый самосвал встал на венок. Резиновый поршень ровнехонько вогнал винт в кровь. Чевеид Снатайко выдернул шприц, прижал к месту вмазки спиртовую салфетку и повалился приходитьваться.

Винт действительно оказался небывалой мощности. Чевеида Снатайко буквально катapultой выбросило вон из тела и он, его бесплотный дух, какое-то время путешествовал по удивительнейшим мирам. Придя в себя, Чевеид Снатайко ощутил позыв к действию. Он вычистил свои заблеванные ботинки, постирал заблеванные штаны, вытер пыль по всей квартире, перемыл полы, посуду, наточил ножи, полил цветы в горшках, смазал скрипящие дверные петли, переделал проводку в ванной и туалете так, что теперь свет зажигался, едва откроешь дверь, и не отключался, когда ее захлопываешь за собой внутри, а только после того, как выйдешь и закроешь ее во второй раз. Он рассортировал скопившуюся гору компакт-дисков по алфавиту. Расставил книги на полках по размерам, тематике и радуге. Произведя все это, Чевеид Снатайко понял, что подустал.

Он посмотрел на часы. Всего лишь час ночи. Дома делать было больше нечего. И Чевеид Снатайко решил децел догнаться и погулять по лесу. А лес был совсем рядом. Ну, не настоящий лес, конечно, не Лосиный Остров, а узенький Филевский парк.

Он сделал себе еще два с половиной куба. Второй приход был уже не столь яростен и могуч. Зато пред глазами Чевеида Снатайко возникли муары. Предметы сами собой начали слегка подрагивать, подергиваться, они сами, их части зажили словно своей сугубо самостоятельной жизнью. Цвета заярчели. Все приобрело иной, более полный объем. И Чевеид Снатайко понял, что маленько передознулся.

А это значило, что действительно срочно надо на природу. Сбросить в нее лишнюю винтовую энергию, подзарядиться исходной, лесной.

Чевеид Снатайко выскочил на улицу. До Филевского парка идти было всего ничего, и спустя минуту он уже шел под темной сенью деревьев. Фонари остались где-то сбоку. Гудели изредка моторы проезжавших вдалеке машин. Все было удивительно тихо. Лишь шевелились ожившие тени. Но и они не были угрожающими, как в детских ночных страхах и страшилках. А, напротив, в них таились мирные доброжелательные существа, которые телепатически говорили Чевеиду Снатайко, что никому они его в обиду не дадут. И Чевеид Снатайко исполнился благодарности к этим существам.

Спустя несколько шагов Чевеид Снатайко вспомнил, что он же пришел пообщаться с Природой. А с Природой надо общаться в чем Природа-мать ее так, родила!

В лесу было тепло, и первой на куст была повешена адидасовская ветровка. В ее карманах остались и ключи, и мобильник, но это не тревожило Чевеида Снатайко, он же знал, что Существа-Из-Теней не дадут никому ничего украсть. Десяток-другой шагов – и на следующем кусте повисла футболка. Куст – спортивные штаны. Куст – трусы. Дерево – носки и кроссовки.

Чевеид Снатайко шел по лесу абсолютно голый. Вокруг шепотали листья, вдали был город. Город был в невообразимой, невыносимой дали. А листья шепотали здесь, прямо над головой Чевеида Снатайко.

И вдруг Чевеид Снатайко понял, что совершил страшную ошибку.

Он не засек время.

Ведь нельзя же бесконечно общаться с Природой. Она от этого может устать. И поэтому время общения надо ограничить. А чтобы его ограничить – его надо засечь. А чтобы

засечь, его требуется, по крайней мере, узнать. А часы Чевеид Снатайко не надел... А мобила осталась в куртке...

И тут та самая Природа, с которой так активно общался-сливался-приобщался Чевеид Снатайко, ему помогла. Внезапно он вышел на небольшую полянку. Горел одинокий фонарь. А на полянке были люди. Во всяком случае, Чевеид Снатайко так это видел: на полянке были люди. Под фонарем журчал источник. Судя по кресту, иконке, и здоровенным бадьям-бидонам-бутылкам, полным воды, это был святой источник. Старички, старушки, несколько женщин средних и бальзаковских лет, все они сидели кружком на каменной кладке, подстелив под себя кто газету, кто сумку, погрузив ноги в воду.

Чевеид Снатайко понимал, что внезапное появление обнаженного мужчины может произвести некое смятение в головах здесь находящихся и поэтому обратился к собравшимся как можно вежливее. Он сказал:

– Простите пожалуйста. Не будете ли вы столь любезны, не скажете ли мне который сейчас час?

Несколько голов повернулось в сторону звука. Кажется, открылось несколько ртов. Не для того, чтобы что-то сказать, а так, просто, открылось. Но в ответ не раздалось ни звука. Лишь журчала вода, да кто-то, резко шевельнувшись, сделал ногой бульк.

«Ах так! – Подумал Чевеид Снатайко. – Не хотите, значит, отвечать! Ну, смотрите же у меня!»

И он, просочившись между двумя тетками, при этом нагло опираясь на их плечи, как был, в чем мать-природа родила и целиком плюхнулся в святую воду, обдав все освящающееся народонаселение веером сакральных брызг. Но, удивительное дело, народонаселение и тут не издало ни звука. Они лишь утерли лица и продолжали сидеть, как ни в чем не бывало!

«Сектанты они что ли? – Подумалось Чевеиду Снатайко. – Психи какие-то...»

Чевеид Снатайко выбрался из воды и пошел дальше. Так он шел и шел, обнимаясь по пути с деревьями, глядя кусты как ласковых собак, пока не обнаружил сразу две вещи. Или, даже, три.

Первые две оказались вполне материальны. Для начала выяснилось, что он уже забрел в наиболее многолюдную часть ночного парка. То и дело вокруг раздавались чьи-то голоса, мелькали человеческие фигуры и не по одной. Уже раз пять Чевеиду Снатайко приходилось сходить с проторенной тропки, чтобы пропустить очередную наалкоголизировавшуюся компанию.

Вторым материальным вещем оказался зонтик. (Ну, не вещью же?!) Чевеид Снатайко совершенно не помнил, откуда тот появился в его руке. Ну, не материализовался же из пространства или воздуха? Впрочем, если учесть, что Чевеид Снатайко пребывал в пространстве с мерностью чуть больше, нежели стандартные три, вполне могло оказаться, что и материализовался. Однако, Чевеид Снатайко не стал уходить в эзотерические дебри и проследживать путь зонтика из одного мира в другой. Нет. Его взволновала третья вещь. И вот какую она была: Чевеиду Снатайко захотелось женщину!

В любом другом случае Чевеид Снатайко просто вернулся бы домой и совокупился с женой. Но жена-то свалила на Кипр! И поэтому женщину надо было искать. И, как подсказывала Чевеиду Снатайко природа, или Природа, искать ее надо было здесь, в лесу.

А ведь женщины в лесу действительно были! Чевеид Снатайко и видел их, и слышал их голоса. Но, в чем проблема, все они почему-то находились в обществе пьяных урелов. Не отпускали их от себя пьяные урелы. Чуяли, что раз Чевеид Снатайко вышел на охоту за женщиной, то отпускать их от себя нельзя. Враз выебет!

Вспомнив все, что он читал и смотрел про ниндзя, спецназ и прочие тайные операции, Чевеид Снатайко решил устроить засаду на самку человека. В небольшой балке с текущим по дну ее ручейком, может быть даже тем самым, святым, он нашел глину. Обмазавшись

тонким слоем с ног до головы, Чевеид Снатайко слился с окружающей темнотой. Но этого для воплощения всего хитрого замысла было недостаточно. Чевеид Снатайко нарвал листьев и, растерев их в ладонях, получил зеленую массу. Масса эта неровными пятнами легла на глину. Теперь на Чевеиде Снатайко играли тени. Можно было устраивать засаду.

Засада была устроена на дереве, росшем неподалеку от широкой и, видимо, весьма популярной тропы. Чевеид Снатайко забрался на дерево, положил в ближайшую развилку зонтик и принялся ждать.

Мимо прошла одна тусовка. Вторая. Третья прошествовала в противоположном направлении. Везде были бабы. Но они не реагировали на телепатические вопли Чевеида Снатайко. Или почти не реагировали. Ну, что это за реакция: замедлила шаг, обернулась, и пошла, дальше весело хохоча над шуткой, которую Чевеид Снатайко уж сто лет как читал на рассылке из анекдот-ру!

Вскоре Чевеид Снатайко перестал даже считать компании. Он был уверен, что скоро, очень скоро появится та, которую он ждет.

Небо просветлело. И тут появилась Она!

Чевеид Снатайко не поверил своим глазам. Но нет! Она! Точно Она! Та самая Она!!! Одинокая женщина!

Но, повинувшись неотчетливому предчувствию, Чевеид Снатайко не пошевелился. Не выдал себя.

«Еще рано... – Убеждал себя Чевеид Снатайко. – Она пришла ко мне. Она пришла ко мне трахаться. Значит, она сама и должна раздеваться!»

Женщина посмотрела по стогнам, и действительно начала раздеваться.

Радости сидящего на дереве Чевеида Снатайко не было предела.

Женщина расстегнула молнию на джинсах, спустила их до колен. Потом спустила на тот же уровень трусики.

И села.

Спиной к Чевеиду Снатайко.

И начала писать.

Чевеид Снатайко понял это по звукам, издававшимся из-под женщины.

В процессе мочеиспускания незнакомка вдруг обернулась, с трудом сохранив равновесие. Не увидев позади себя никого, она вроде успокоилась. Но, буквально через пару секунд оглянулась еще раз. Но снова там никого не оказалось.

Телепатические импульсы действовали.

Третий поворот головы дамы оказался решающим. Она более тщательно осмотрела заспинные окрестности.

Потом она подняла глаза...

...И встретила взгляд Чевеида Снатайко!

Сначала у незнакомки резко расслабились глазные мышцы и мышцы, поддерживающие нижнюю челюсть. Челюсть буквально вывалилась в траву. Глаза тоже. Потом вестибулярный аппарат женщины резко прекратил функционировать. Она целиком рухнула туда, где уже валялись ее глаза и челюсть. Стоит ли напоминать, какой жидкостью там все только что было пропитано?

И там, на траве, в лежачем положении, по уши в собственной моче, запутавшись в джинсах и траве, никак не могя от одного избавиться, а другое натянуть, дабы не подставлять взгляду лохматого, измазанного глиной и зеленью сидящего на дереве голого мужика свои драгоценные жопу и пизду, незнакомка истошно завизжала.

Такого пронзительного крика Чевеид Снатайко не слышал никогда в жизни. Наверное, он был слышен даже в Химках...

Через мгновение на вопль сбежались мужики в количестве трех штук. Да, увы, женщина оказалась не одинокой. Она пописать отошла.

Ее поставили на ноги, натянули на нее трусы-штаны...

– Там!.. Там!.. – Только и могла вымолвить несчастная, тыкая пальцем в сторону Чевеида Снатайко.

Мужики разом посмотрели что же находится «там». И увидели Чевеида Снатайко. Вид которого за прошедшее от прошлого описания время нисколько не изменился.

Закатывая рукава мужики двинулись к Чевеиду Снатайко. Он подозревал, что вряд ли с ним будут вести философские беседы о единении с Природой, а просто начистят хлебальник. Или репу. Или дадут в макитру. Что под руку первым под руку подвернется.

И тут Чевеид Снатайко вдруг вспомнил про зонтик. Он схватил его. Конечно, оружие из зонтика никакое, но он, хотя бы, сможет посопротивляться.

Пальцы Чевеида Снатайко как-то сами собой нажали на кнопку. И зонтик с тихим шелестом раскрылся над его головой.

Мужики остолбенели.

Вид другого мужика: взъерошенного, голого, грязного, на дереве, да еще и под ярким цветастым женским зонтиком поверг их в истинное смятение.

Мужики остановились, коротко посоветовались и, развернувшись, подхватили под руки свою подругу. Вскоре они полностью скрылись за кустами.

Чевеид Снатайко обнаружил, что все это время он не дышал. Помассировав затекшие за время долгого неподвижного сидения члены и член, Чевеид Снатайко сполз с дерева. Ожиданная встреча несколько прояснила его сознание и он понял, что дальше здесь в таком виде ловить нечего. Кроме разве что кареты скорой психиатрической помощи или ментов.

Обратный маршрут Чевеида Снатайко пролегал по тем же местам. У святого источника за ночь ничего не изменилось. Так же сидели люди, мочили ноги в воде.

– Простите пожалуйста. Не будете ли вы столь любезны, не подскажете ли мне который сейчас час? – Произнес Чевеид Снатайко сакраментальную фразу.

Реакция оказалась точно такой же.

Как и дальнейшие действия Чевеида Снатайко. Но на сей раз он основательно выкупался в небольшом бассейне, смыл с себя, под скорбными взорами молчащих сектантов, глину и зелень.

Но, что самое удивительное во всей этой истории, Существа-Из-Тени не обманули Чевеида Снатайко! Вскоре он нашел свои носки и кроссовки. Затем и трусы, майку, штаны. И, как последний подарок, куртку, в которой нетронутыми лежали бумажник, ключи и мобила.

А зонтик он подарил жене.

Не рассказывая, впрочем, связанной с ним истории.

Джефффотосейшен.

Нет уже этих фотографий. Нету... А жаль.

Это ведь было свидетельство ушедшей эпохи. Веселой, бесшабашной и безвозвратной. Но мы уничтожили их. Сожгли, глядя как корчатся в огне кадры нашей жизни. Сожгли и пленку... Стремно ибо было. А вдруг найдут... И посадят...

И лишь память, и моя, и моих друзей, сохранила их в себе. Может, и не все... Но то, что осталось я сейчас попробую, как смогу описать...

Кадр 1.

Вход в подъезд в одном из арбатских дворики. Над ним козырьком нависает серая труба внешнего лифта. Под ней, улыбаясь, стоят двое. Шантор Червиц и Чевеид Снатайко. У Шантора Червица на плече небольшая сумка. В ней – стрем-пакет. Но его не видно. Только-только мы посетили драгу на Кропоткинской, взяли в ней десятку сопливого трехпроценто-вика и теперь, скоро-скоро забодяжим мулю и втрескаемся. И это ожидание уболагодворения видно сквозь напряженные улыбки.

Кадр 2.

Неудачный. Видно только узкую мраморную лестницу, истертые до дыр ступени, кованые перила, с частично отгрызенными кусками. Там, наверху, виднеются ноги. Теперь уж и не вспомнить, чьи это были ноги. Может, и мои...

Лифт в этом доме постоянно застревал, потому, дабы не обламывать сейшен мы на нем не поехали. А то однажды, так же захотев втрескаться, поехали мы с Блимом Кололеем наверх какой-то девятиэтажки. И застряли. Там, внутри лифта, оголтев, забодяжили и чудом втрескались при свете сороковаттной лампочки. И провели три часа в полном убеждении, что спасатели будут ментами и нас загребнут...

Кадр 3.

Вскрышные работы. Крупный план. А это точно я, Семарь-Здрахарь. Я стою спиной и видны лишь мои руки. Одна из них обхватила навесной замок, что во второй – не видно.

Кадр 4.

Опять я. Снято снизу и кажется, что я стою на каком-то пьедестале. Я держу в руках подовый замок, который только что вскрыл универсальной отмычкой и гордо демонстрирую ее саму. За мной – недавно запертый вход на чердак.

Впрочем... Я столько раз уже вскрывал и запираю эту бутафорию, что тогда мог сделать это и с закрытыми глазами. Но кадр впечатляющий.

Кадр 5.

Внутренности чердака. Никого нет. Ничего интересного. Так, засранные голубями балки, какие-то обломки непонятно чего. Строительный мусор, оставшийся с прошлогоднего ремонта. Деревяшки, куски деревьев, куски фанеры, доски, железяки. И все в голубином, изредка человеческом, говне.

Кадр 6.

Внутренности чердака опять. Кадр сделан с того же места, что и предыдущий. Помню, сам попросил снять себя посреди этого говна. И стою там, и улыбаюсь. На штанах – полоса известки. Перелезал через говно и не заметил, как изгваздался. Так и остался в истории.

Кадр 7.

А тут мы поругались. Шантор Червиц и Чевеид Снатойко хотели, чтобы я сфотографировал их на том же месте. А я заметил, что весь в дерьме и стал отряхиваться. В общем, в конце концов, я уступил.

И они тоже замарались!

Кадр 8.

А это уже стрем-пакет. Крупный план. На куске фанеры расстелен носовой платок. В клеточку. На нем коробочка со свежкупленной баяной-ширяной, клочок ваты, бутылка с эссенцией, аптечный марганец, литровая банка с водой и батарея пузырей джефа. Впечатляет.

Кадр 9.

Процесс. Это сама мутка. Тоже крупный план. Три сопливых эфедрина, по числу присутствующих, уже вскрыты, рядом с ними, готовые, лежат крышечки с марганцем, а чья-то рука капает из баяны в раствор эссенцию.

Это удачный кадр. Прямо видно, как со струны отделилась капелька и летит в пузырек. Но...

Кадр 10 и Кадр 11.

Нам показалось, что полет капли не запечатлен. И мы сделали еще две попытки. На сей раз – неудачные.

Эх, как нам потом не хватало этих, бездарно растраченных кадров!..

Кадр 12.

Мулька готовится. Снова крупняк. Один пузырь уже стоит с черной, пленка-то не цветная, жидкостью внутри. Во втором – чернота лишь на дне и чуть муар сверху, только засыпали, а третий пока что в том же состоянии, что на предыдущих кадрах.

Кадр 13.

Пляска Святого Джеффа. Снимал это Чевеид Снатойко. Я и Шантор Червиц замерли здесь в нелепых позах, похожих на выхваченные стробоскопом танцы комеди-дель-арте. У меня в кулаках – два пузыря. У Шантора Червеца – один. И мы на самом деле трясем их. Но, по просьбе фотографа, на мгновение сыграли в «море волнуется». Так он и щелкнул.

Кадр 14.

Продолжение плясок Святого Джеффа. Все то же самое, но позы другие.

По идее Чевеида Снатойко, это должно было быть смешно. Но когда мы, первый и единственный раз просматривали эти фотки, смешно нам не было, а хотелось опять вернуться на тот чердак. И...

Впрочем, чего я вру? Ведь мы и смотрели их втресканными... Но, честно говоря, несмотря на это все равно хотелось чего-то...

Наверное, вернуть то время...

Кадр 15.

Петух. Крупняк. Это пальцы в черную крапинку принадлежали Чевеиду Снатойко. Ибо он засыпал марганец и немного зацепил его на кожу. Пальцы держат струну, на конце которой только что был намотан массивный петух. Сейчас его пустят в дело.

Кадр 16.

Петуха пробило! Не доброго петуха намотал Чевеид Снатайко. Его одна рука держит пузырь с заболтавшейся мульткой, во второй – баян, и в нем – куба два черной жидкости.

Сам Чевеид Снатайко не хотел, чтобы это снимали, но мы с Шантором Червицем настояли. Ибо сие являлось правдой жизни.

Кадр 17.

Мультка! А вот эти пальцы уже мои. Мы не стали фиксировать намотку второй метлы, намотал я, и все тут. И стал отбирать. Пошел чистяк. Чуть желтоватый, но чистяк.

Когда набралось куба полтора – сняли. Вместе с цепочкой пузырьков из-под канюли.

Кадр 18.

И когда добралась ровно пятиха – тоже.

Кадр 19.

А вот стоит Шантор Червиц с баяном наизготовку. Рядом – сижу я и закатываю рукав рубахи.

Кадр 20.

А это Шантор Червиц вонзил струну в мне центряк.

Кадр 21.

А это Шантор Червиц взял контроль. Контроль есть. Он течет черной полоской по дну баяна.

Кадр 22.

А вот Шантор Червиц вводит в мой веняк мульку. Половина осталась пока в баяне. Но это ненадолго.

Кадр 23.

ПрихоОод! Я сижу, Согнув руку в локте и заведя кулак за голову. На моем лице... Некоторые могут назвать это скушным словом «выражение». Но не выражение на нем. На нем – само блаженство.

Кадр 24.

БычоОок! У меня закрыты глаза, а Шантор Червиц засовывает мне в рот сигарету.

Кадр 25.

Тогда я этого не видел, но и это действие, оказывается, тоже засняли. Промывка баяна. Чевеид Снатайко набирает воду в машину из банки...

Кадр 26.

...и выпуливает ее длинной струей в открытое слуховое окно чердака. Видно, что на конце струя уже не монолитная, а делится на отдельные летящие капельки.

Кадр 27.

А тут я, приходнувшись, обнаруживаю, что осталось меньше десяти кадров. И ввожу жесткую цензуру.

Здесь Чевеид Снатайко трескает Шантора Червица. Баян уже на веняке и Чевеид Снатайко гонит.

Кадр 28.

Приход Чевеида Снатайко. Он смотрит в камеру бешеными глазами, в углу рта – неприкуренная еще сигарета, большой палец правой руки скрыт в локтевом сгибе левой. Это он дырку держит.

Кадр 29.

Ковырялки. Это я ставлю Чевеида Снатойко. Но у него уже такие хуевые вены, что с первого раза попасть не удастся. Контроль есть, но как только я начинаю гнать – он срывается со струны. И это:

Кадр 30.

Задул. Чевеид Снатойко машет на меня кулаком. Я стою и развожу руками, в одной из которых баян с контролем и мульткой. Это подлый Шантор Червиц выхватил момент и запечатлел мой позор.

Кадр 31.

Теперь я снимаю, как Шантор Червиц трескает Чевеида Снатойко. И у Шантора Червица получается все с первого раза.

Кадр 32.

Меня уже прет нешуточно. И я решаю немного поизвращаться. Приход Чевеида Снатойко я снимаю, забравшись на кучу застывшего цемента. Сверху. И со спины.

Посему видно лишь его спину и мощный клуб дыма от первого затяга бычка с прихода.

Кадр 33.

Вместо того, чтобы снимать наши убогоустроенные рожи, я врубаюсь, что надо пофотографировать стрем-пакет.

На этом крупном кадре три наполовину опустошенные пузырька с мульткой, на одном из них, поперек горлышка, ледит струна с черной от окиси марганца метлой, а под ними – пока непромытый баян. Поршень его оттянут и внутри видны кровавые разводы.

Я долго тряс баян, чтобы они получились поживописнее.

Кадр 34.

А это задницы Шантора Червица и Чевеида Снатайко. Они высунулись в слуховое окно и что-то орут девкам внизу.

Кадр 35.

А это они влезли обратно. Ох, ну и разозлились они на меня, что я снял их в таком виде. Идут на меня, как зомби какие-то.

Кадр 36.

Засвечен.

Кадр 37.

Невесть откуда взявшееся белое пятно с волнистыми краями.

Но, в общем, все хорошо кончилось. Все остались живы. Всю мульку протрескали. Фотоаппарат благополучно забыли и я его запер. И в ночи пришлось опять идти на этот чердак и, при свете самопального фонарика, состоящего из батарейки «крона», двух проводов и масенькой тусклой лампочки, его разыскивать.

Но пленку эту мы осмелились проявить только через года полтора... А что случилось с ней потом – вам уж известно.

Так вот.

Евангелие от Клочкеда.

Сгорбившись в три погибели, постоянно облизывая пересыхающие губы, Колчкед криво выводил в своей тетрадке: «Семарь-Здрахарь родил Шантора Червица, Чевеида Снатайко и Навотно Стоечко.

Шантор Червиц родил Седайко Стюмчика, Чевеид Снатайко родил Блима Кололея, а Навотно Стоечко родил Клочкеда...

И вот как это было:»

Долго еще мусолил Клочкед карандаш, но больше ничего путного на бумаге не появилось.

Шмон предков.

Этого не избежать.

Не минула чаша сия и Навотно Стоечко.

В один злосчастный вечер за ужином батянька как-то особенно хмуро посмотрел на маманьку и предложил Навотно Стоечко:

– А ну-ка, покажи руки!

Навотно Стоечко решил сыграть дурачка и показал, как в детстве, ладони. Чистые. Ну, разве что у ногтей желтизна. Куда кусочки черного попали.

– Ты мне дурачка не играй! – Предупредил батянька. – Задери-ка рукава!

– Может, сейчас не надо? – Всхлипнула маманька и Навотно Стоечко, если до той поры у него еще могли оставаться некие иллюзии, теперь окончательно понял: его выкупили.

– Надо! – Отрубил батянька и Навотно Стоечко въехал, что деваться некуда.

Движения Навотно Стоечко сразу приобрели некую замедленность. Он долго допивал чай, потом долго расстегивал манжеты на рубаше и, наконец, перед взорами батяньки и маманьки возникли наводностоечковские руки. Ничего примечательного. Только на локтевых сгибах краснелось множество мелких точек.

– Колешься. – Констатировал батянька. А маманька спрятала лицо в ладонях и тихо завывала:

– Ой-йой-йой-йой!..

А Навотно Стоечко лишь пожал плечами. Чего отрицать очевидное?

– Ты мне рожи-то не строй! – Вспылил батянька и грохнул кулаком по столу. – Отвечай, когда тебя отец спрашивает!

Навотно Стоечко не слышал никаких вопросов, но счел за лучшее сказать:

– Ну.

– Хуй гну! – Заорал батянька. – Отвечай, подонок, колешься?

– Да. – Выплюнул батяньке в багровую морду Навотно Стоечко.

– Видишь, мать?! – Батянька разом успокоился. – Он колется. И что теперь с ним делать? В милицию сдать? Или в дурку? Пусть его там вылечат.

Милиции Навотно Стоечко не боялся. Ну, дырки, ну, трескается. Так за употребление не сажают. А вот дурки Навотно Стоечко боялся. И даже очень.

– А, может, он сам? – Предложила маманька. – Ну, бросит...

– Хуй такие, как он, бросают. – Пробурчал батянька, но все же, признавая за Навотно Стоечко право голоса, повернулся к нему и спросил:

– Бросишь?

– Брошу. – Твердо пообещал Навотно Стоечко, еще не веря такой удаче и даже кивнул в подтверждение своего слова. Конечно, ничего бросать он не собирался. Сейчас, во всяком случае. Вот потом, когда надо будет здоровье поправить – он станет ремиссионером. На какое-то время. А пока, чего завязывать? Просто теперь ему надо будет менять места вмазок. Не трескаться все время в одно место, а разнообразить места введения. Или на постоянку в ноги ставиться. Там-то смотреть уж не должны.

– Врешь ведь. – Покачал головой батянька. – по глазам вижу – врешь!

– Да, брошу я! – Развел руками Навотно Стоечко. – Я ж не на опиях. Это винт. А к нему зависимости нет.

– Нет зависимости? – Покачал головой батянька. – А чего ты тогда его употребляешь?

– Да я ж не каждый же день!

– А тут вот кто тебя знает. Может, и каждый... – Батянька встал. – Ну, а чтобы тебе легче было бросить... – И пошел в комнату Навотно Стоечко.

Навотно Стоечко за ним, понимая, что шмона уже не избежать.

– Ну. – Батянька остановился посреди наводностоечковой комнаты. – Сам все выдашь, или мне у тебя все тут перевероршить?

Навотно Стоечко осмотрел свою каморку и едва не поперхнулся. Доказательства его винтового торчания были практически всюду. Фантики от баянов, гарахи, петухи, библиотеки. Даже несколько порожних пузырей сала стояли на книжной полке.

– Сам. – Потупился Навотно Стоечко. Нет, понятно, что он решил выдать лишь малую часть, чтобы оставить в сохранности самое ценное.

Навотно Стоечко полез под кровать и достал из-под нее пакет с баянами. Из-за стола он извлек бутыль с вторяками. Все равно он их отбивал дня два назад... Из-за батареи он извлек целлофановый пакет с мусором от прошлого зашира.

– Вот. – Грустно сказал Навотно Стоечко.

– Ой-йой-йой-йой! – Запричитала маманька, узрев из дверей кучу доказательств наркомании сынули.

– А теперь, не обессудь. Я сам пройдуся. – Заявил батянька и решительно стал исследовать наводностоечковую комнату. В результате этого беспрецедентного рейда куча на полу увеличилась вчетверо.

Батянька нашел и компот, и еще два пакета с баянами, и свежие вторяки, и библиотеки, и реакторы, и щелочильные емкости... В этой куче оказались предметы, которые даже параноидальный рассудок не смог бы ассоциировать с наркоманией.

Навотно Стоечко хоть как-то пытался защитить свое жилище от этой напасти:

– Эй. А зачем ты взял пирамиду?

Эту пирамиду Навотно Стоечко соорудил на замороке. Извел на нее несколько листов ватмана, спизженного на кафедре начерталки. Он где-то прочитал, что в таких конструкциях мясо не гниет, а лезвия самозатачиваются. И хотел похранить внутри винт и затупленные струны. Посмотреть, что из этого получится.

Ответ был шокирующ:

– С ее помощью ты дышишь наркотиками!

Не зная, что ответить на такое, Навотно Стоечко кинулся к следующему прибору. Это был самодельный микроскоп, сварганенный из кучи линз, который тоже неожиданно приобрел статус наркоманского дивайса.

– А линзы куда?! – В отчаянии возопил Навотно Стоечко.

– Ими ты наркотики рассматриваешь!

– А книги! Книги! Это чужие. Мне их вернуть надо!

– В них ты наркотики сушишь!

– А диски. Это же музыка!

– В них ты наркотики носишь!

– А фотоаппарат! Его-то почему?

– Чтобы своих друзей-наркоманов не вздумал фотографировать!

– А свечки? Зачем их забирать?

– Ты на них винт варишь!

– А утюг?... Чем я гладить рубашки буду?

– Ты на нем тоже винт варишь!

– А бра! Лампочку зачем выкручивать?

– Чтобы ты на ней винт не варил!

– Это же мои рисунки! Мои записи!! Не надо!!!

– Надо. Они тебе будут напоминать о наркомании!

– Бать! Это же колонки! Музыка!!

– Знаю. А откуда я шприцы достал? Вот чтоб в них больше не прятал!

- Это же мой любимый галстук!!..
- Ты им перетягиваешь вены, чтобы колоться.
- А ремень? Подтяжки!!
- То же самое!
- Это радиодетали! Провода! Их зачем?!.. Я из них паяю!..
- Когда наколешься – тогда и паяешь. Нечего тут помойку разводить!..
- Это же карандаши. Они-то почему?!
- Ты ими толчешь и раскатываешь таблетки! Я уже все про это прочитал! Знаю! Меня больше не проведешь!
- Ой-йой-йой-йой!..

...

Через час в комнате Навотно Стоечко остались лишь кровать, девственный письменный стол, одинокий стул, полупустые книжные полки, на которых осталась лишь учебная литература, да комплект из одной ручки и одного карандаша, вся его одежда, да постельное белье...

Правда, через неделю-другую маманька постепенно вернула ему почти все. Ибо все это оказалось сгружено в запираемой комнате родаков и за каждый предмет Навотно Стоечко выдерживал многочасовой словесный бой, доказывая непричастность конкретной вещи к его пристрастию.

Ну, а все ширяльные принадлежности, неопознанные сразу, и не выброшенные в тот же вечер, Навотно Стоечко спиздил из этой кучи на следующее утро, едва предки двинули на работу.

Среди этих вещей был флакончик дезодоранта, в котором спрятанный, бултыхался фурик с винтом, которым Навотно Стоечко немедленно преспокойно втрескался в оборотку и пошел в колледж.

И еще года три маманька и батянька Навотно Стоечко были уверены, что их сынуля больше не торчит.

Диалог.

– Слышь, почему, как только у меня ремиссия чуть дольше недели, мною начинают овладевать прогибиционистские настроения?

– Втрескайся – и пройдет. Сразу

Тазик из-под кровати.

Аксиома: Эфедрин есть! Его не может не быть!

Лемма: Варщик всегда найдет из чего замутить винта.

Доказательство: Хата подавляла своей пустотой. Ключкед, тяжело переставляя ногу с фуфляком на лодыжке, проковылял на кухню, присосался к крану, смывая многодневную горечь и орошая потрескавшийся язык животворящей влагой. Несколько глотков воняющей хлоркой воды произвели с организмом торчка волшебное изменение. Ключкед явственно почувствовал флэш-бэк, словно не ядерного раствора солей кальция хапанул он, а поставился квадратом семарь-здрахарьского винтеца.

После чуда, мозги Ключкеда съезжившиеся, похожие, если бы кому-то вздумалось провести домашнюю трепанацию, на две ягоды сушеного чернослива, моментально налились соками, взбухли, словно весенние сморчки, и, проснувшись от вынужденного анабиоза, принялись обрабатывать все то, что можно было расценить как информацию.

Сначала Ключкед понял, что он страдает. Осознание такого факта настроения не повысило. Вторым выводом оказалась причина страдания – ломы. Винтовые ломы, конечно, не чета синюшной белочке, но тоже штука достаточно некайфовая. Третьим вылез вывод: надо бы втрескаться.

Но вся беда состояла в том, что нечем было втрескаться. За неделю, без малого, зашира, протрескано оказалось все. Вторяки бились такое несчетное количество раз, что теперь походили на замешанный на бензине клейстер. Ключкед посмотрел бутыл с ними на просвет. Желеобразная масса и не думала расслаиваться. Лишь сверху образовалась микроскопическая бензиновая лужица, но она погоды не делала, а, наоборот, портила.

– Бля-я-я... – Огласил Ключкед порожнее помещение воплем безысходности.

Бабла не было, компота осталось хуй да ни хуя, и даже если кого-то вызванивать, предлагаться винтоваром, то один хрен, с такой бегемотьей ногой и думать нечего выйти из дома, не говоря уж о поездке за салом.

– Хули воешь?

Ключкед едва не подпрыгнул на месте. Сзади, закутавшись в дырки от одеяла, стоял серый Семарь-Здрахарь.

– Тошно. – Вздыхнул Ключкед.

– Всем тошно. – парировал Семарь-Здрахарь. – И что? Я тебя спрашиваю что? Почему воешь?

– Догнаться бы... – Взгляд Ключкеда остановился на пакете, полном использованных баянов. – Хоть контроль из них выбирай и трескайся...

Семарь-Здрахарь испытующе смотрит на Ключкеда. Ключкед, прищурившись, разглядывает Семарь-Здрахаря.

– Чтоб я больше такой хуйни не слышал! – Цедит сквозь зубы Семарь-Здрахарь. – Я подоле тебя торчу и то до такой поебени не опускался. Нет, бля, придумал, тоже! Чужим контролем ставиться!.. Оголтелая рожа!..

Семарь-Здрахарь картинно всплескивает руками, одеяло спадает, и теперь Семарь-Здрахарь обретает вид, лишенный всякой таинственности. Впалые ребра, живот, мышцы... Лишь серо-фиолетовые хуй и муди выпрастываются из лобковой растительности, гармонизируя по цветовой гамме с двумя синяками справа и слева – следами неудачных попыток ужалиться в паховые вены.

– А что делать? – Взор Ключкеда перемещается с хуя Семарь-Здрахаря на машину с добрыми тремя точками контроля.

– Думать! – Семарь-Здрахарь поднимает вверх указательный палец и становится похож на Аристотеля, поучающего тупого перипатетика.

– А хули думать. – Вздох Ключеда поднимает с пола несколько инструкций пользователя солутана и кружит их в миниатюрном смерчике. – Нету настолько ни хуя...

– А вторяки с прошлых сейшенов? – Рассуждает вслух Семарь-Здрахарь.

– Отбили.

– А библиотеки?

– Отмочили.

– А петухи?

– Запарили.

– А смывки?

– Забодяжили.

– А щелочильные фуфыри?

– Протрясли.

– А отработки красного?

– Раза три уж кипятили.

Теперь и Семарь-Здрахарь понимает, что надеяться можно лишь на чистую случайность и грязное везение.

– Давай все ж поищем. Может, ты что-то оставил и выехал... – Голос Семаря-Здрахаря далек от заискивающих интонаций, и, одновременно, они в нем есть. Ключеда чудится в этих простых фразах что-то отцовское, доброе, ласковое, такое, что бывает только в фильмах 60-х годов про счастливые советские семьи, где никто не бухает...

– Давай. – Равнодушно соглашается Ключед. Но, странное дело, Семарь-Здрахарь вдруг заронил в Ключеда лучик надежды, который тут же превратился в семечко и оно, в мгновение ока прорастая и заполнив своей светящейся массой тело Ключеда и, даже, пустив наружу несколько великолепных побегов, моментально стало приносить плоды.

Семарь-Здрахарь задумчиво сорвал один из таких, похожих на груши плодов, откусил, прожевал, проглотил.

– Да... Сладка наша надежда. – Семарь-Здрахарь приподнял брови и принялся походить на Архимеда на месте Ньютона, когда тому на лысину ебнулось воронье говно.

Подволакивая ногу, ковыляя, прихрамывая, Ключед обошел кухню вокруг, заглядывая во все щели и дыры. Но кроме тараканов, выборок с пропыленными метлами и самой пыли в них ничего не оказалось. А вот Семарю-Здрахарю повезло.

Он, производя раскопки под кроватью, наткнулся на средних размеров тазик или большую эмалированную миску. Дно сосуда покрывала темно-коричневая кристаллическая масса.

– Что это? – Спросил Семарь-Здрахарь.

Ключед посмотрел на корку кристаллов, ковырнул ногтем, пожал плечами:

– Я этот тазик не трогал.

– Значит, трогал кто-то другой! – Резюмировал Семарь-Здрахарь. – И что в нем может быть?

Ключед попробовал один из отколовшихся кристалликов на язык:

– Горькая дрянь!

– Горькая – значит там есть эфедрин. – Губы Семаря-Здрахаря расплылись в улыбке, которая напоминала вампирическую ухмылку дедушки Ленина. – Видать, кто-то вторяки забыл, и они испарились. Ну, что? За дело!

Полтора часа трудов праведных вознаградились аж шестью кубами винта. Сварил его Семарь-Здрахарь, употребив остатки стандаля до самой последней крошки.

Даже не казнясь, каждый без проблем поставил себе по двухе и повалился приходить.

– Вот это пиздец!.. – Шептал, шумно выдыхая Ключкед. – Вот это цепануло!.. Сто лет такого мощного не пробовал!..

Семарь-Здрахарь вел себя гораздо тише. Собственно, как и положено крутому варщику.

– Нет, это не вторяки были... – Ключкед пристраивал на глазах тряпку, изгвазданную контролем, которая несколько минут назад служила ему перетягой. – Совсем не вторяки! – Тряпка, наконец легла так, что свет перестал возбуждать сетчатку торчка...

– А что? – Прошелестел Семарь-Здрахарь.

– Это кто-то хотел втихаря банку сварить... Да или забыл, или не смог... – Поделился Ключкед своими прозрениями.

– Может быть... – Загадочно ответил Семарь-Здрахарь.

А он-то знал правду.

Никакие это были не вторяки. Да, и целиковой банкой там не пахло... Все дело в том, что Шантор Червиц, зависавший здесь по винтовому делу несколько суток и сваливший дня два назад, и его подруга, которую он все эти дни ебал, обламывались от постоянного гоношения и тусняков в треугольнике кухня-сортир-ванная. Посему к фаянсовому другу они не ходили, а ссали в тот самый тазик. Семарь-Здрахарь наблюдал за этими мочеизлияниями и вел в уме подсчеты, которые блестяще подтвердил Ключкед, выбив даже несколько больше запланированного количества.

Если уж полностью раскрывать все намерения Семаря-Здрахаря, то поначалу он хотел соскоблить кристаллы выпарившейся мочи и пустить их в ход, ни с кем не делаясь. Но вид хромающего Ключкеда всколыхнул в недрах Семаря-Здрахаря нечто...

Семарь-Здрахарь лежал, приходовался, и на его устах, словно мохнатый ночной мотылек «мертвая голова», то появлялась, то исчезала елейная улыбка. Если уж он, из-за внезапного порыва, отдал ни за хуй целых два куба, то расплачиваться за эту секундную слабость Ключкеду придется сполна. И с невъебенными процентами.

Семарь-Здрахарь предвкушал, как сейчас, скоро, очень скоро, как только Ключкед снимет с лица эту замызанную тряпицу, он поведает наивному наркоту что именно они сегодня отбивали и чем на самом деле поставились.

Брелок от крейзи-герл или Крейзи бой. (Опыт отчета о влиянии вещей крейзанутых на качество винта.)

Помните брелок, который подарила крейзи герл Чевеиду Снатайко. Брелок от «Опея»? Или это еще впереди? Ну, да ладно, поверьте тогда на слово.

В общем, оклемался Чевеид Снатайко от приключения с крейзи герл и пошел к своим друзьям Шантору Червицу и Блиму Кололею рассказывать все это в лицах. А те тоже не веселые, ибо случился у них на концерте этого «Ленинграда» ебучего злоебучий бэд-трип. И обломанные они. И отходнячные. И всякое такое некайфовое.

Но рассказ Чевеида Снатайко повеселил их. Тем паче, что рассказывал он его раза четыре. Всякий раз меняя детали в сторону их усугубления. Под конец, крейзи герл вынесла от него в целофановом пакете вообще всю обстановку, и ему пришлось бежать за ней и отнимать похищенное. А в качестве доказательства демонстрировал Чевеид Снатайко тот самый брелок, о котором речь в самом начале шла.

Блим Кололей и Шантор Червиц крутили брелок в руках, цокали языками и верили Чевеиду Снатайко все меньше и меньше. Когда веры этой у них вообще не осталось, возникло деловое предложение:

– А не сварить ли винта?

Против и воздержавшихся не оказалось, и вновь полетел-покатил винтовой марафон. Шантор Червиц его самые веселые и ответственные моменты даже на видеокамеру заснял. Чтобы потом друзьям их рожи уторчанные показывать, дабы попотешаться на трезвую голову по полной программе.

В ходе марафона Блим Кололей сломался и свалил на третьи сутки. Чевеид Снатайко запросил пощады и срыл на четвертые, а Шантору Червицу валить было некуда, ибо мутили в его хате. Побродил, побродил он в одиночестве, позаморачивался на одевании, но сгоял-таки на Лубу, взял еще банку и сварил. А варил он, крутя в пальцах брелок от крейзи герл и вспоминая превеселейшие гоны Чевеида Снатайко. Долго варил. Медленно. Со вкусом. Реактор потряхивал, поворачивал против часовой стрелки, следил, чтобы огонь был самый маленький. Три часа только варил.

Винтец получился – загляденье. Чистейший. Желтизной и не пахнет. И понял тогда Шантор Червиц, что получилось у него НЕЧТО! Нечто невьебенное.

Отобрал он себе, как обычно, двуху... Подумал, и полкуба обратно слил.

Отщелочил. Стал ставить. Поставил куб. Чувствует все. Хватит. Иначе – дознется.

Вырвал струну из веняка и приходоваться повалился. И приходовался он час. Не меньше. Мысли всякие в голове бродили. Образы из виска в висок пролетали. Тени шевелились. Глюки, видать...

Шантор Червиц даже хайку придумал:

Поставил винта.
Глюки толпятся вокруг –
Не надо и звать...

А как Шантор Червиц оприходовался, его такая радость обуяла, что решил он всех, кого можно винтом этим угостить. Позвнил Чевеиду Снатайко – тот спит, коматозник. Позвонил Блиму Кололею – того нет, гуляки. Лишь Семарь-Здрахарь на месте оказался.

– Дарова, Семарь-Здрахарь! – Говорит Шантор Червиц.

– Дарова, Шантор Червиц! – Отвечает Семарь-Здрахарь.
– Семарь-Здрахарь, ёпта, я такую штуку приготовил... Ты охуеешь! – Восторженно кричит Шантор Червиц. – Классика!!
– Да, лана, не пизди...
– Бля буду, приезжай, попробуешь! Не пожалеешь!
– Не могу, Шантор Червиц, я ж джоблю всю ночь...
– Приезжай, ёптыть, втрескаешься, да и поедешь обратно...
– Лады, ща буду... – Лениво отвечает Семарь-Здрахарь.
Ждет Шантор Червиц Семаря-Здрахаря. Тусы по хате нарезает и поет странную песенку:

А за горами, продают солутан!
А я сварю винта и буду рад,
Но я тебе не дам!
Не смей меня винить!
Ну, посмотрите, до чего он хорош!
Но на дороге ты его не найдешь!
Сварить попробуй сам!
Не буду я тебя учить!
Есть солутан и на высоких горах,
На крутых берегах.
Для крутых!
Короче, ты не достанешь!
Я знаю цель: я первитином уколоться хочу!
За солутаном лечу,
И крутизной наслаждаюсь!
Трудна дорога и повсюду обман,
Но чтоб сварить винт – у меня есть план!
Его скурю я сам!
Не смей меня просить!
Я эфедрин не извлекал с давних пор,
Мне надоел сине-зеленый солутановый колор!
Его и пей ты сам!
Не смей его со мной делить! У!

А появился Семарь-Здрахарь у Шантора Червица минут, самое большее, через двадцать, весь запыхавшийся, взмыленный. Небось, бегом бежал от метро. Зато веняки распарил под курткой. Вбежал и сразу:

– Ну? Где? Давай двуху! – А сам то ли ботинки снимает, то ли рукав закатывает. Торопится.

Шантору Червицу для Семаря-Здрахаря двухи не жалко. Он так ему и говорит:

– Не жалко мне для тебя двухи. Но лучше бы полтораху тебе поставить. Мне, вот, от кубешника чуть передоза не пришла.

А Семарь-Здрахарь уже руку перетянул:

– Не ссы, Шантор Червиц! Это ты уж до того доторчался, что от двух точек передозу хватаешь. А мне – два квадрата в самый раз будет!

Не стал поминать Шантор Червиц Семарю-Здрахарю, что они почти что в одно время начали мульткой трескаться. Хочет Семарь-Здрахарь два куба – получит. Человек же взрослый, опытный психонавт, можно сказать, видать, знает, что делает.

Получил Семарь-Здрахарь вожделенный агрегат с двумя кубами прозрачайшего раствора, и заперся в ванной трескаться.

А Шантор Червиц потусовал, потусовал по комнатам, нашел баян свой с полуквадратом недоставленным и догнаться решил. Догнался... Лежит... Хайку сочиняет...

Сочинил такое:

Трудно понять
Ширнутого герычем...
Опиушник, бля!..

И такое:

Винта я сварил...
Как налетели торчки!..
Остался – кубешник!..

А еще – такое:

В кармане куртки
Два снаряженных шприца.
Себе и подруге...

А потом растрясло его на крупную вещь. Вспомнил Шантор Червиц как начинал он свою торчковую жизнь, вооружился ручкой, блокнотом и начал писать:

Я брожу по застреманым драгстерам
И сжимаю в пальцах терку мытую.
А на ней мои руки дрожащие
Написали «SolutionJeff».
Там встречают меня без внимания,
И дибят как наркота последнего.
Как говно берут терку истрепану,
И швыряют мне взад, озверев!

Но нахально блуждая по каличным,
Непременно увижу, как девушка,
Практиканточка, мне незнакомая,
Вдруг напишет: 16 на 2.
Пробивая фанеру асковую,
И забрав две столь нужные баночки,
Я в мечтах устремляюсь к товарищам,
И кружится моя голова.

– Эй, Шантор Червиц!

Пока Шантор Червиц испытывал муки творчества, Семарь-Здрахарь вылез из ванной и теперь стоял в дверях комнаты, где творил Шантор Червиц.

– Чего?

– Я в комнатке потусю. – Сообщает Семарь-Здрахарь и испаряется из проема.

А Шантору Червицу-то что? Пусть тусует. Главное, чтоб с мысли не сбивал...

...И на хазе, ништячной, но паленой,
Я бодяжу улетное ширево.
И метелку в машину бодяжную
Забиваю, тромбую и ша!
Осторожно, чтоб капли не падали,
Заливаю в нее мульку мутную.
А с канюли баяна уж падает
Джеф зеленый. И стынет душа...

– Блядь, это что за хуйня? Бя-я-я-я! Шантор Червиц, что это за хуйня??? – Вопит из комнаты Семарь-Здрахарь. Но Шантору Червицу не до него. Стих идет!

...И беру я иголку контрольную,
Набираю в машину солюцио,
Надуваю веняк весь истыканный,
И ширяю себе свой дозняк.
Как по кайфу приход мне приходится!
Я торчу – и мне сладко и весело!
Друг мой, знаю, ты тоже попробуешь!
Забодяжь, заширни, и ништяк!

– Написал Шантор Червиц, последний восклицательный знак поставил, но перечитать не успел. Только начал свою каллиграфию разбирать, как...

– Сука, ты, Шантор Червиц, бля! Конченная ты сука! Падаль! Мразь поганая! – Визжит Семарь-Здрахарь. И слышит Шантор Червиц, что где-то поблизости стекло бьется. Звук такой характерный. И какой-то очень слишком близкий. Чуть ли не в соседней комнате. Где Семарь-Здрахарь тусует.

Интересно стало Шантору Червицу. Отложил он блокнот и в стенку постучал:

– Семарь-Здрахарь! Что у тебя там?

– Ша-а-анто-о-ор Че-е-ерви-и-иц! – Ответствует Семарь-Здрахарь. – Блядь, ты, сука, ты когда успел эти камеры и жучки установить?

А голос у Семаря-Здрахаря, хотя и визгливый, но громкий. Посмотрел Шантор Червиц на часы – четвертый час. А, судя по безлюдью за окном, ночи.

Про камеру Шантор Червиц понял. Да, видеокамера в комнате где Семарь-Здрахарь. Но она в чехле. Неустановленная. На полке лежит. А какие жучки?

– Какие жучки? – Спрашивает Шантор Червиц через стенку и бежит к двери. Но там заперто.

– Шантор Червиц! Я тебя ненавижу! Гнида! Сучара ментовская! – Вопит Семарь-Здрахарь. А Шантор Червиц стоит и слушает и эти вопли и очередной звон стекла, и дикие удары по стенам, и треск падающей мебели. Секунд пятнадцать он это слушал. Потом надоело. Квартира-то его. Не притон, там, какой-то, цивилизная, незасвеченная хата, хотя и на первом этаже. И негоже ее обстановку ломать всяким там Семарям-Здрахарям.

Разбежался Шантор Червиц по коридорчику, дверь попытался выбить. А дверь настоящая, не ДСП сраное, а досковая. Не поддалась она с первого раза. А Семарь-Здрахарь изнутри услыхал удар и, даром, что в отключке, сообразил. Пока Шантор Червиц второй раз разбежался, Семарь-Здрахарь дверь диваном припер. Все! Не откроешь теперь!

– Хуй тебе, Шантор Червиц! Не возьмешь меня! Хватит! – Орет Семарь-Здрахарь и продолжает мебель крушить. Стекла только похрустывают. Видно уже все перебиты.

Шантор Червиц понимает, что это пришел пиздец. Время не то раннее, не то позднее, а соседи, которым с утра на джоб топать, и так создания нервные, синькой испорченные. Как пить дать ментуру вызовут.

Осознав такую перспективу, Шантор Червиц заметался по кухне, собирая стрем-пакет. Компот, баяны, фантики...

– АААААААА, – Орет Семарь-Здрахарь, у которого пошел новый виток осознания глюкавой реальности. – Ты, падла, меня зомбируешь! АААААА. Выключи эту адскую машину!.. Сейчас же! Слышишь?! Сейчас жее-е-е!!..

– Нет у меня никакой машины! – Решает ответить Шантор Червиц, разыскивая струны.

– Нет есть, и ты ей на меня воздействуешь, АААААА выключи сейчас же, я всё равно найду где ты спрятал излучатели! – Не унимается Семарь-Здрахарь.

Под звуки падающей мебели, бьются оставшиеся минимально целыми стёкла... Семарь-Здрахарь ищет излучатели... Шантор Червиц все собрал, пора валить, но он почему-то, наверное из-за винта, все же не оставляет надежды уговорить разбушевавшегося глюкача.

– Хорошо, – Кричит Шантор Червиц. – Я выключу, все! Всё! Я выключаю! Слышишь!? – И Шантор Червиц щелкнул выключателем света в коридоре.

– Нет, ни хуя ты не выключил – Вопит Семарь-Здрахарь. – Меня не набеешь! Я все чувствую! Выключай на хуй, а то я, блядь, всё здесь разобью!!

Шантор Червиц прикидывает, много ли целого осталось после бесчинств Семаря-Здрахаря и, решив, что пусть хоть немного, да останется, починить можно будет... Наверное... Кричит через дверь:

– Семарь-Здрахарь! Все, успокойся, я выключаю, выключаю! – А тем временем Шантор Червиц забрался на стул, добрался до щитка и вывернул пробки.

– Бля-я-я-я-дь, ты меня за дурака, что ли держишь??? – Продолжает Семарь-Здрахарь.
– ???

Нет, Семарь-Здрахарь, ты что? Я выключил излучатель! Как ты просил... – Прикидывается своим Шантор Червиц.

– Не пизди! – Заливается воем Семарь-Здрахарь. – Ты выкрутил пробки, чё я не знаю?

Шантор Червиц понимает, что его шансы утихомирить Семаря-Здрахаря закончились. В комнате снова что-то ломается, трещит, стены гудят, но Шантор Червиц уже принял решение. Он вворачивает пробки обратно, слезает со стула и, подхватив пакет со стремом...

Слушает как гремит дверной звонок. Два звонка. Дзы-ы-ы-ынь. Дзы-ы-ы-ынь!

Так звонят только менты. Привычка у них у всех такая, что ли, стандартная?

Посмотрел Шантор Червиц в глазок. Точно они. Два мента. Стоят, переглядываются, калаши на плечах мацают.

Не стал им Шантор Червиц дверь открывать. На фига ему это надо? Расспросы, допросы. А там и веняки заставят предъявить. И содержимым пакета поинтересуются...

Стоит Шантор Червиц, ждет. Стоят менты – тоже ждут. А в комнате бой продолжается. У ментов нервы сдали быстрее, чем у Шантора Червеца и они из подъезда вышли. Вышли и к окну подошли. Зарешеченному. И разбитому.

И слышит Шантор Червиц, как мент говорит:

– А ну, бля, успокойся!

– Да пошёл ты на хуй! – Недружелюбно отвечает ему Семарь-Здрахарь. – Не видишь по всей комнате жучки понаставлены!

– Успокойся! – Повторяет мент. Наверное, понимает Шантор Червиц, это единственное слово в ментовском лексиконе для успокоения переторчавших. Много раз он его применять не будет. Так что пора скипать.

– Пашол на хуй! – Надсаживается Семарь-Здрахарь.

Не дожидаясь кнца этого содержательного диалога, Шантор Червиц тихонько отпер дверь и как есть, в тапочках, куртке на голое тело, а когда одеваться? и со стрем-пакетом в руках покидает хату. А прямо у подъезда стоит раковая шейка ДПС и лениво помигивает синей каструлей. Внутри – заспанная рожа мента-водилы.

Шантор Червиц, с видом, как будто он всегда выходит в это время совершить моцион, проскальзывает мимо машины, подозрительно косясь на подозрительно косящегося мента внутри, и скрывается в близлежащих кустах.

Там Шантор Червиц и ныкет палево и направляется в соседний дом. К Райке Недаеттт. Прощаться.

Эти душевразбивательные сцены мы опустим. Не след здесь влезать в чужой интим. Серьезное дело-таки.

Долго еще не решался Шантор Червиц заявиться домой. Думал, сделати там мусора засаду. Он придет, а его – хватить! И в каталажку! Ведь реактор с винтом недобраным и баяны с контролем в разгроханой комнате остались. На пару с Семарем-Здрахарем.

Но пронесло.

Райка Недаеттт после прихода утра заглянула в хату Шантора Червица, никого там не нашла и дала отмах. Шантор Червиц нашел и баяны, и винт... Не нашел только видака, камеры, телевизора, музыкального центра, телефона с определителем и других, более мелких произведений электроники.

Как не просила Райка Недаеттт того замечательного крышесносного винта, Шантор Червиц ей не дал. При девке весь фурик-реактор в раковину вылил. Смыл и прополоснул. Чтoб и следа не осталось.

Кое-как потом Шантор Червиц комнату в порядок привел, стекла вставил, остатки мебели на гвозди посадил. Не горевал он о технике забугорной, а горевал только о видеокамере, на которую марафонные движения были записаны. Ясно же, что менты попятити. А если кто из них любопытный? И посмотрит, что там записано?..

О-о-о... Лучше и не думать!..

Так и не думал Шантор Червиц, пока его повесткой в ментовку не вызвали. Там, листая дело и слушая рассказы участкового, он и узнал окончание этой истории.

Сразу после его ухода подкатили ещё три ментовские тачки. Вся милицейская туса скучковалась у окна, безуспешно пытаясь выцыганить Семаря-Здрахаря из хаты.

Семарь-Здрахарь, отмахивался ножкой от стула от несуществующих пуль, и прятался от них и от ментов за обломками мебели, думая, наверное, что если калаш сперва висит на сте... милиционере, то потом он будет стрелять. И именно в него, Семаря-Здрахаря.

Непонятно как, но доблестным охранникам правопорядка удалось заставить или уговорить Семаря-Здрахаря выдать им ключи от квартиры. Наверное, история этого не сохранила, для поисков жучков и излучателей.

Естественно, ничего они искать не стали, а, застегнув Семаря-Здрахаря в нарукавники, доставили его в отделение.

Там Семарю-Здрахарю поплохело. Он почувствовал, и стал всем подряд кричать, что Шантор Червиц с помощью адской машины осуществляет на него направленное телепатическое и микроволновое воздействие. И при этом выращивает у него в горле какой-то гигантский прыщ, который, в скором времени так разрастется, что приведёт к удушению Семаря-Здрахаря.

Семарь-Здрахарь, осознав такую перспективу, немедленно стал задыхаться и требовать к себе врача.

Перепуганные менты вызвали неотложку. Приехал врач, осмотрел Семаря-Здрахаря и посоветовал ему не заниматься цереброкопуляцией с милиционерами.

Слегка успокоившись, Семарь-Здрахарь стал объяснять работникам правоохранительных органов, что его специально укололи наркотиком и теперь зомбируют с помощью специальной микроволновой машины, которая установлена в квартире Шантора Червица.

– Вызовите физиков! – Орал Семарь-Здрахарь. – Вызовите скорее, пока Шантор Червиц не убрал эту адскую машину.

Милиционеры пообещали вызвать физиков и попросили его немного подождать и успокоится. Но не таков был Семарь-Здрахарь! Он не успокаивался! Он прекрасно слышал направленные сигналы, издаваемые водой текущей из унитаза бачка! Этими сигналами Шантор Червиц пытался заставить его совершить самоубийство!

Из последних сил Семарь-Здрахарь попытался донести эту информацию до милиционеров, но те оставались безучастны.

И тут Семарь-Здрахарь все понял! Он вспомнил, что менты имеют крайне низкий уровень интеллекта и по своему ментальному развитию просто не могут врубиться в тонкие материи микроволновых воздействий и направленного зомбирования! Ведь именно поэтому они и пошли в милицию, что людей с таким низким IQ никуда больше взять не могут!

– Ну и хуй с вами! – Пробурчал Семарь-Здрахарь, обидевшись на всех, и устроившись поудобнее на жестком откидном лежаке, мирно уснул.

Через несколько часов он отошёл. Не куда-то, а от глюков.

О, менты! О, эти святые люди! С утра они объяснили Семарю-Здрахарю, что никаких наркотиков не было! Они даже не взглянули на его веняки! Менты! Милые! Они растолковали Семарю-Здрахарю, что он просто напился, и у него случилась белочка.

Семарю-Здрахарю отпустили... Выписав штраф в 45 рублей.

А Шантор Червиц, частенько смотрит на изрезанные ножом и стеклами обои, из-под которых Семарь-Здрахарь пытался извлекать «жучков», и говорит юным винтовым:

– Не повторяйте моих ошибок, не варите чересчур хороших растворов!

Винтовые приметы.

Торчок винтовой обладает обостренным восприятием внешней и внутренней реальностей.

Представьте себе: ночь. Тишина. Но чу! Кто это? Ба! Да это винтовой на заморозке из кустов выглядывает! А винтовые обычно по одному не ходят. Давайте-ка приглядимся повнимательнее. Видите? Нет, не там. Вон-вон!.. Куда я пальцем показываю. Увидели? Да? Хорошо замаскировался, правда? Нацепил на себя черный плащ-макинтош, с головой в него закутался, чтобы менты-полиса не замели, и ходит этакой невидимкой. Глюки собирает.

Вот нагнулся, поднял что-то. Не видно что? И не увидите. Это же его глюка. Ее другим видеть можно только если он сам позволит. А нам он не позволял.

Но пойдем дальше, там нас тоже ждет немало интересного. Удивительные открытия, надо сказать, ждут нас. Ведь торчки винтовые, несмотря на внешнюю простоту – существа в высшей степени разумные. Если у них крыша, конечно не съехала.

А зачем дальше идти? Почему бы не понаблюдать за этими? Если на улице шарятся винтовые – значит и гнездо их неподалеку. А куда интереснее вести наблюдение за торчками винтовыми в их естетсвенной обстановке.

Ага. Вот и гнездо. Вон окошко светится. Почему именно это? Да, многие светятся, но только из этого дымок тянется. Только не надо этот дымок нюхать. Хорошо если это салют отожгли. Тогда ничего. А вот ежели это йод из реактора оттдувают – тут уж вашему любопытному носу не поздоровится!

Тихо! Не надо кашлять! Спугнете!

Ну и что, что свербит? Я же предупреждал, что это могут быть кислотные пары? Так что терпите, мои юные друзья. Полевые наблюдения рискованы. Не стоит об этом забывать ни на секунду. Вот один наш коллега глаза лишился. Знаете как? Случайно. Чисто случайно. Кинул торчок винтовой использованный баян в форточку. А за ней – фенолог-дарагс-антрополог. Мало того, что глаза лишился, так еще и гепатитом бэ переболел.

Но к делу, коллеги! К наблюдениям! Запомните, коли выдувают йодные пары, то это что значит?

Правильно. Винт готов. А какие из этого следуют выводы? Подсказать? Хорошо. Намекну немного. Торчок винтовой имеет сверьестественно развитую интуицию, она же сверхчувственное восприятие. Так, значит, что?

Правильно! Скоро в гнездо подтянутся другие торчки винтовые. И мы сможем понаблюдать...

Нет, фу, как пошло! Процесс размножения мы наблюдать сегодня не будем. Хотя, кто знает, может, нам и повезет.

Ведь размножение торчка винтового происходит не половым путем. А как? Кто помнит? Никто? Жаль. Жаль... Размножение торчка винтового происходит путем игловой дефлорации баяном с винтом! Вспомнили? Ну, слава богу. Так что, даже если мы сегодня и увидим акты промискуитета, то к собственно размножению они относиться не будут.

А вот и то, зачем мы полезли на это дерево. Смотрите внимательно! Не надо ломать ветки, даже если ты с них падаешь. Падай тихо. Беззвучно! Удачно приземлился? Что, ногу сломал? Ну, полежи немного, мы скоро.

Итак вот она – самая интимная составляющая бытия торчка винтового. Что мы видим? Какой укол? Ну, да, в обыденной жизни такое действие называется уколом. Но так ли это у торчка винтового?

Умница! Правильно! Это смысл их жизни. Ну, не всей, конечно, а активно-винтовой стадии. Но все равно. Зачту такой ответ. Теперь, когда мы увидели все, что хотели...

Что еще понаблюдать? Нет? В гости зайти? Винта попробовать? Отчислен. И ты отчислена! И что, что теоретически?! Сегодня теория, завтра – практика. Вы же обязаны сохранять научный подход. Нет, никаких апелляций!

С кем только приходится работать?

А сейчас я зачитываю вам один очень показательный документ, снятый с помощью длиннофокусного объектива. Итак, слушайте внимательно! Не канючить. Свободны. Теперь вы сами такое сочинять будете. Все! До свидания! Я за вами еще понаблюдаю!

Итак, приступим:

«Винтовые приметы:

Увидел голубя – к вмазке.

Увидел воробья – к вмазке.

Увидел синицу – к вмазке.

Увидел ворону – к вмазке.

Увидел кота – к вмазке.

Увидел мента – к вмазке.

Увидел кобеля – к вмазке.

Увидел кошку – к вмазке.

Увидел суку – к вмазке.

Увидел мужика – к вмазке.

Увидел тетку – к вмазке.

Увидел мужика в шляпе – к вмазке.

Увидел мужика без шляпы – к вмазке.

Увидел мужика в галстуке – к вмазке.

Увидел мужика без галстука – к вмазке.

Увидел тетку в шляпе – к вмазке.

Увидел тетку без шляпы – к вмазке.

Увидел тетку в галстуке – к вмазке.

Увидел тетку без галстука – к вмазке.

Увидел тетку в платке – к вмазке.

Увидел тетку без платка – к вмазке.

Увидел мужика в платке – к вмазке.

Увидел мужика без платка – к вмазке.

Увидел тетку в косынке – к вмазке.

Увидел тетку без косынки – к вмазке.

Увидел мужика в косынке – к вмазке.

Увидел мужика без косынки – к вмазке.

Увидел мужика в брюках – к вмазке.

Увидел тетку в брюках – к вмазке.

Увидел мужика без брюк – к вмазке.

Увидел тетку без брюк – к вмазке.

Увидел тетку в юбке – к вмазке.

Увидел тетку без юбки – к вмазке.

Увидел мужика в юбке – к вмазке.

Увидел мужика без юбки – к вмазке.

Увидел мужика в шали – к вмазке.

Увидел тетку в галошах – к вмазке.

Увидел тетку без галош – к вмазке.

Увидел тетку в одной галоше – к вмазке.

Увидел мужика в одной галоше – к вмазке.

Увидел мужика с паспортом – к вмазке.
Пацан ест на улице мороженое – к вмазке.
Девчонка ест яблоко – к вмазке.
Парень пьет на улице пиво – к вмазке.
Мужик пьет водку из горла – к вмазке.
Тетка жрет йогурт пальцами – к вмазке.
Выпал волосок – к вмазке.
Выпал зуб – к вмазке.
Отпал нос – к вмазке.
Отвалились почки – к вмазке.
Вывалилась печень – к вмазке.
Прокисли мозги – к вмазке.
Выпали кишки – к вмазке.
Все органы на месте – к вмазке.
Проехал «Запорожец» – к вмазке.
Проехал «Мерин» – к вмазке.
Проехал автобус – к вмазке.
Проехал троллейбус – к вмазке.
Проехал велосипед – к вмазке.
Никто не едет – к вмазке.
Чешется нос – к вмазке.
Чешется подбородок – к вмазке.
Чешется щека – к вмазке.
Чешется лоб – к вмазке.
Чешется ладонь – к вмазке.
Чешется плечо – к вмазке.
Чешется подмышка – к вмазке.
Чешется запястье – к вмазке.
Чешется рука – к вмазке.
Чешется стопа – к вмазке.
Чешется бедро – к вмазке.
Чешется голень – к вмазке.
Чешется нога – к вмазке.
Чешется бровь – к вмазке.
Чешется живот – к вмазке.
Чешется грудь – к вмазке.
Чешется спина – к вмазке.
Чешется жопа – к вмазке.
Чешется ухо – к вмазке.
Чешется хуй – к вмазке.
Чешется пизда – к вмазке.
Чешется язык – к вмазке.
Чешутся прыщи – к вмазке.
Не чешутся прыщи – к вмазке.
Ничего не чешется – к вмазке.
Хочется ссать – к вмазке.
Хочется срать – к вмазке.
Хочется блевать – к вмазке.
Хочется пить – к вмазке.

Хочется жрать – к вмазке.
Хочется сморкаться – к вмазке.
Хочется драть – к вмазке.
Хочется ебать – к вмазке.
Хочется рыдать – к вмазке.
Хочется плевать – к вмазке.
Хочется вмазаться – к вмазке.
Ничего не хочется – к вмазке...»

Остальное завтра дочитаю. Все свободны.

Кручение бычков в темноте.

В общем, этого до сих пор никто не понимает.

А в чем суть? Суть в том, что как-то приходовался Ключкед в темноте. И бычок с прихода курил. И надо было ему пепел стряхнуть, а то негоже всему в нем изваляться. Вот, Ключкед глаза отверз, стал пепелац искать на ощупь. Нашел-таки. Понес к нему бычок. Страхнул пепел. И назад, в рот, бычок этот и понес. И видит – за бычком, за угольком этим бычковым, след в воздухе тянется. Синий. Ну, не совсем синий, а голубоватый. Бледно-голубой. А ведь бычковый уголек-то красно-оранжевый!

Ключкед тогда затынулся, уголек поярче вспыхнул, и стал Ключкед этим бычком в водить туда-сюда. И видит, один хрен, уголек красно-оранжевый, а след за ним – бледно-голубой. То ли глюка, то ли нет. Непонятно.

Принялся тогда Ключкед бычком круги описывать. Вращает бычок и наблюдает. Все то же самое: уголек красно-оранжевый, а след за ним – бледно-голубой. И мало того, линия вдруг появилась. Синяя и касательная к тому кругу, овалу или эллипсу, по которому уголек от бычка летает.

Позвал Ключкед Павку Карапуззз. Ее по полному Павлиной Карапуззз звали, а по короткому – Павка Карапуззз.

Павка Карапуззз смотрит, действительно: уголек красно-оранжевый, а след за ним – бледно-голубой.

Не глюка, видать.

А по трезвяку – ничего подобного. Красно-оранжевое все. И никакой голубизны!

А по увинченому – снова – уголек красно-оранжевый, а след за ним – бледно-голубой.

Несколько месяцев Ключкед бычки в темноте крутил. Не курил, а крутил и крутил бычки. Массу сигарет извел. Всех знакомых винтовых на это дело посадил. И никто ничего понять не может, отчего уголек красно-оранжевый, а след за ним – бледно-голубой!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.